

Люди и судьбы

В.Ф.Бутрина

Об участии священника Илариона Раевского в похоронах А. С. Пушкина и о предметах важных...

Сведения об участии в похоронах А. С. Пушкина священника Илариона Раевского, настоятеля Воскресенской церкви на погосте Воронич, были введены в пушкиноведение в 1922 году А. К. Гладким, педагогом и краеведом, сотрудником-корреспондентом Пушкинского Дома при РАН по Псковской губернии. (1) Историко-литературный очерк «Пушкинский уголок» опубликован впервые в журнале «Исторический вестник» (1917, кн. VIII), где, как пишет автор, напечатан он был в сокращении, «в виде отрывочных, субъективных впечатлений и воспоминаний» (2). Необходимо упомянуть о том, что работа эта была замечена, вызвала «лестные» (3), по словам автора, отзывы рецензентов, в частности и такого видного пушкиниста, как Н. О. Лернер (см. ж.: «Книга и Революция», 1923, кн. IX-X).

А. Гладкий писал: *«Через Воронич, между прочим, в Святые Горы следовало тело умершего поэта Пушкина, и здесь в церкви*

была совершена над прахом поэта панихида тогдашним священником, которого Пушкин любил, по фамилии Раевский, а больше известным по уличному прозвищу «Шкодой». Этот же самый священник встретил тело умершего поэта в расстоянии 17 верст от своего прихода в пог. Вреве, на руках нес гроб и, по отслужении панихиды в своей церкви, передал сопровождать дорогие останки явившемуся сюда из Святогорского монастыря священнику монаху». (4)

В примечании, объясняя устойчивость употребления прозвища Шкода в качестве фамилии, автор, со слов дочери Раевского, А. И. Скоропостижной, добавляет: «Любопытно, что прозвище это привилось настолько, что настоящая фамилия была почти забыта, поэтому, когда Пушкин написал дарственную на семь десятин попу «Шкоде», о. Иларион пошел благодарить и объясняет, что он не Шкода, а Раевский, Пушкин же в ответ на это сказал: «А я почему знал!.. все Шкода да Шкода. Я сто человек спрашивал». (5)

В документах Псковской Духовной консистории священник именовал себя так: «по прозванию Раевский». (6) В словаре

Бутрина Валентина Филипповна – ст. научный сотрудник Государственного музея-заповедника А.С.Пушкина в с.Михайловском, член Союза писателей России

В. Даля указывается: «*Прозванья* родом ведутся, а *прозвища* народ дает». (7) Обычно прозвища давались либо в шутку, либо по какому-нибудь случаю. Любимой поговоркой священника и объяснялось возникновение прозвища, об этом сохранились свидетельства и потомков священника, и местных жителей. В исторических очерках С. Д. Яковлева «Пред солнцем бессмертным ума...» рассказывается о жившей на Ворониче Анне Федоровне Каменской, правнучке И. Е. Раевского. По ее словам, «любил он приговаривать: «Ах, шкода какая!». Отсюда и пошло его прозвище». (8)

В 1937 году О. В. Ломан (9), в то время заведующей музеем Пушкинского заповедника, были собраны и записаны рассказы и воспоминания крестьян окрестных сел, местные и семейные предания, легенды о Пушкине. Записи эти впоследствии были Ломан систематизированы по разделам, снабжены комментарием и подготовлены к печати. Часть их опубликована в довоенные годы. Но лишь в 1999 году к 200-летию со дня рождения Пушкина они были напечатаны журналом «Нева» в полном объеме. (10) Особенностью их является то, что «это не фольклор в академическом смысле слова, это крестьянское понимание жизни, судьбы, смерти поэта. Их версия событий, их интерпретация поступков Пушкина». (11)

В разделе «Пушкин и поп Шкода» приводится несколько объяснений возникновения этого прозвища. Приведем некоторые из них: «*Пушкина хорошо помнила Акулина Ларионовна Скоропостижная, дочка попа Шкоды. По грибы ходила и встречала в лесу Пушкина. Она говорила, что Пушкин им земли 5 десятин в подарок подарил. С попом - ее отцом - был дружен. Шкодой его прозвали, что была у него такая поговорка: «Ах, шкода какая!». Григорий Филиппович Богданов, 75 лет, Пушкинские Горы.* (12)

Но вот уже совсем иначе о возникновении прозвища своего прадеда, о характере его, а главное - о его положении в обществе рассказывает правнучка *Любовь Федоровна Дубковская, 45 лет, проживавшая на городище Воронич: «Прадед мой был очень строг с мужиками. Школил их. Вот от слова*

«школить» и стали его так звать все. Кажется, Пушкин сам и прозвал его так. Шкода был над церквами и священниками старший. И со всеми строго. Когда бывал у него обед и приезжали священники образованные, он их приглашал к себе. А необразованных - дьякона, дьячков, псаломщиков - не приглашал. Их кормили тем же обедом, но на кухне». (13)

Подтверждением тому, что в семействе Пушкиных прозвище воспринималось фамилией священника, могут служить и письма поэта. Для семьи Пушкиных и их крестьян Воскресенская церковь была приходской, поэтому за исполнением церковных треб они обыкновенно обращались туда либо в Святогорскую обитель, если дело почиталось особенно важным и требующим особых - *субых* - молитв и особого рассмотрения.

В письме к своему брату Льву от 7 апреля 1825 г. Пушкин пишет: «Я заказал обедню за упокой души Байрона (сегодня день его смерти). А.<нна> Н.<иколаевна> также и в обеих церквах Триг.<орского> и Вор.<онича> происходили молебствия. <...> Вяз.<емскому> посылаю вынутую просвиру *Отцом Шкодой* (выделено мною. - Б. В.) - за упокой поэта» [ПСС, XIII, 162].

Несмотря на характерную образность слова «шкода», Пушкин нигде в своих письмах не упоминает его в таком контексте, чтобы оно могло восприниматься как прозвище священника и никак его не обыгрывает. Следует также обратить внимание на отказ Пушкина от употребления в письме к брату простонародного слова «поп», как, например, в письме от того же 7 апреля к П. А. Вяземскому: «Мой поп удивился моей набожностью» [ПСС, XIII, 160]. Здесь Пушкин заменяет его на выражение: отцом Шкодой. Кроме того, при написании слова отец он употребляет не обычную, малую - *строчную* - букву, а большую - *прописную*. Пушкиным в его письмах часто употребляются прописные буквы в тех случаях, когда он стремится обратить особое внимание на то, что стоит за словом, или подчеркнуть его семантическое значение. Замена эта и общий тон письма к брату, ненавязчиво назидательный, свидетельствуют еще и о стремлении Пушкина после упреков отца в том, что он преподает брату безбо-

жие, не позволять себе вольностей в вопросах, касающихся вероисповедания и отношения к лицам духовного звания.

На особые - *доверительные* - отношения Пушкина с о. Иларионом указывают и слова его: «мой поп»; об этом же говорят и местные предания: «*Друг у него там был поп. С ним он и находился часто. Вместе они и гуляли. С господами он не знался, а вот с деревенским попом!*» *Петр Иванович Иванов, 66 лет, деревня Дедовцы.* (14)

Пушкин тонко чувствовал душевный строй человека, его *духовное* устройство. Священник Иларион Раевский был из тех, которые сами от зла *потерпели*, но уж никак не причиняли его: *не шkodили*. Он, как и Пушкин, как и настоятель Святогорского монастыря игумен Иона, благодаря ручательству которого за поэта кончилось его михайловское сидение, его ссылка, был из тех, кто эти *шкгоды* от ближних терпел.

Из тех он был, которые никого не судили и не осуждали, понимая, как слаб человек. А только и могли, что приговаривать: «Ах, шкода какая!» Либо с сочувствием, с состраданием к немощи ближнего, либо с возмущением, когда дело касалось вопросов *веры*. В вопросах хранения веры в чистоте и защите ее от ересей Иларион Раевский становился *непримиримым* и нетерпимым...

Его дочь, А. И. Скоропостижная, рассказывала: «Только вот насчет «божественного» они с тятенькой не всегда сходились и много споров у них через это выходило. Другой раз тятенька вернется из Михайловского туча тучей, шапку швырнет: Разругался я, говорит, сегодня с михайловским барином вот до чего - ушел, прости Господи, даже не попрощавшись... Книгу он мне какую-то богопротивную совал - так и не взял, осердился! А, глядишь, двух суток не прошло - Пушкин сам катит на Воронич, в окошко плеткой стучит: «Дома поп? - спрашивает. Скажи, говорит, я мириться приехал!». (15)

Воспоминания дочери священника об отношениях Пушкина с ее отцом были введены в пушкиноведение прозаиком И. Л. Щегловым в его труде о Пушкинском празднике 1899 года «Новое о Пушкине». Автор назвал его «попыткой живого исследования»,

в отличие от «легиона общих книжных рассуждений, выпущенных в свое время под тем же юбилейным флагом». Для благодарного почитателя памяти поэта встреча на Ворониче с почти восьмидесятилетней старухой, которая не только знала Пушкина, но и «все знает касательно Пушкиных!» (15), - стала неожиданным открытием и «обретением».

В набросках к своей так и не завершенной статье 1830 года «Опровержение на критике» Пушкин писал: «Алифьери изучал итальянской язык на флорентийском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням. Они говорят удивительно чистым и правильным языком» (ПСС, XI, 149). Чертой исконного русского языка поэт считает его причастность не только народной, но одновременно и церковной культуре: Именно в Михайловском, в период работы над «Борисом Годуновым» поэт открывает для себя живую силу церковнославянского языка, отказавшись от его «каламбурно-пародического употребления». (16) С этого времени им утверждаются национально-бытовые права церковнославянизмов на литературность, а сам церковнославянский язык представляется культурно-бытовой основой «исторической народности». (16)

Для Пушкина отец Иларион был еще и тем собеседником, без которого он и трех дней кряду прожить не мог, как вспоминала его дочь. «Покойный Александр Сергеевич очень любили моего тятеньку. <...> И очень они любили с моим тятенькой толковать, - пояснила она с видимым удовольствием: - потому, хотя мой тятенька был совсем простой человек, но ум имел сметливый и крестьянскую жизнь и всякие крестьянские пословицы и приговоры весьма примечательно знал... Я так про себя полагаю, - заметила она благодушно, - что Пушкин через евоны разговоры кой-чего хорошего в свои сочинения прибавлял!» (15)

В литературоведении и пушкиноведении пока не обращалось внимание на то, сколь важен этот факт: заказ обедни «за упокой души боярина Георгия» [ПСС, XIII, 160], - для понимания благодарного отношения поэта к памяти усопших. Для понимания самим Пушкиным важности поминания души

успокого за обедней, за Небесной трапезой на Божественной литургии, этой неумолкаемой мольбе Церкви об омовении грехов приношением Жертвы Бескровной. А ведь факт этот, несмотря на внешний эпатаж, имеет прежде всего нравственное значение. Факт этот - свидетельство духовного становления поэта. Который может, в свою очередь, стать этапом нравственного становления нас самих. А может и не стать...

Эпатаж вообще был характерен для Пушкина, когда дело касалось «предметов важных» (17) - сокровенных. Тем более таких, как духовная жизнь. Вспомним его говение Великим постом 1821 года под опекой И. Н. Инзова, принимавшего в Пушкине горячее, поистине родительское, участие:

<...>Я стал умен, [я] лицемерю -
Пошусь, молюсь и **твердо верю**

(выделено мною. - Б. В.),

Что Бог простит мои грехи,
Как государь мои стихи.
Говеет Инзов, и наемдни
Я променял парна<ски> бредни
И лиру, грешный дар судьбы,
На часослов и на обедни
Да на сушеные грибы.
Однако ж гордый мой рассудок
Мое раска<янье> бранит,
А мой ненабожный желудок
«Помилуй, братец<?>, - говорит ...»
<...> Но я молюсь - и воздыхаю...
Крещусь, не внемлю Сатане...

[ПСС, II, 178-179].

Отношения Пушкина с Отцом Небесным были отношениями сыновними. Он был чадом Божьим не по делам своим - по **вере**. Он твердо верил, что Христос пришел **всех** спасти. И когда Пушкин заказывал обедню «за упокой души» Байрона, он ее заказывал в Церкви «Того, чья казнь **весь род Адамов** (выделено мною. - Б. В.) искупила» [ПСС, III, 417]

Не хотел он помнить о различии вероисповеданий и о таких тонкостях, как церковное и евхаристическое **необщение** между христианскими церквами: православной и англиканской, когда заказывал свою обедню за упокой души поэта. О душе ближнего своего он помнил в годовщину его смерти. Не

ведал, что творил, как тот милосердный самарянин из евангельской притчи о том, кого считать ближним своим (Лк. 10, 29-37), что не смог пройти мимо иудея, истекающего кровью, «попавшегося разбойникам»... При том, что иудеи не просто враждовали с самарянами, самое слово самарянин для иудея считалось бранным и презрительным. (18)

Не умел Пушкин мимо проходить. Из тех он был, кто не мог не оказать милости страждущему, падшему. Каждый ему был ближним. Ближним Пушкину был и лорд Байрон. Джордж Ноэль Гордон. Был он ему «боярином Георгием»...

Пушкину церковные уставы были не писаны, а отцу Илариону было отчего возвращаться от михайловского барина «туча тучей».

Но, видно, и впрямь требовала душа «боярина Георгия» поминания, если после такой обедни писал Пушкин Вяземскому: «Прощай, милый, у меня хандра, и нет ни единой мысли в голове моей - кланяйся жене. Я вам обоим душою предан» [ПСС, XIII, 161].

Кстати, среди записей Ломан есть любопытная интерпретация этого факта как свидетельство вольнодумства Пушкина: **«Раз как-то пришел Пушкин к попу в Воронич и заказал ему панихиду отслужить. Поп даже удивился. То спорил все о божественном, за это, говорят, и в ссылке жил. Однако отслужил, как полагается. Только видит: Пушкин усмехается себе. И оказалось, что отслужил он панихиду по революционеру Лорде. Хватился поп, да уж поздно».** Федор Иванович Гизунов, 66 лет, деревня Бустыги. (19)

В следующем критико-библиографическом очерке А. Гладкого «Новое о Пушкине» сведения об участии священника Раевского в похоронах Пушкина приводятся в общем контексте свидетельств их тайного характера под всевидящим неусыпным оком III отделения. Над этим очерком он работал уже в качестве сотрудника-корреспондента Пушкинского Дома и подготовил его в соответствии с замечаниями и сообщениями Б. Л. Модзалевского, исполнявшего в это время обязанности директора Пушкинского Дома. Судя по предисловиям автора к его работам, вкладывал он в них не только

кропотливый труд добросовестного исследователя, но и душу, поэтому так важно оказывалось для него пожелание читателю, заимствованное у Сенеки: «Пусть тебе понравится хоть одно: что то, что я высказал, я чувствовал, и не только чувствовал, но и любил». (20)

Сведения об участии в похоронах Пушкина отца Илариона ценны еще и тем, что они являются свидетельством его мужества. Не случайно Гладкий подчеркивал нравственное значение поступка: «...много риска, почти героизма проявлено было со стороны священника Раевского, <...> который, несмотря на запрещения, встретил тело умершего поэта». (21)

Преданность и мужество священника подчеркиваются и в местных преданиях: *«У Пушкина было написано попу Шкоде - другу: «как услышишь про мою смерть - в ночь, в полночь, - служи по мне большую литию». Наказал так Шкоде, был он его верный друг. Старики говорили, что один только поп Шкода и не побоялся, как Пушкин умер, по нем панихидку отслужить!*

А те все - монахи-то святогорские да архимандриты - боялись!» Пелагея Петровна Петрова, 67 лет, деревня Дедовцы. (22)

Следует заметить, что перед погребением Пушкина в Святогорском монастыре его настоятелем архимандритом Геннадием была отслужена не только заупокойная обедня (вынутая для вдовы Пушкина монастырская просвира была вручена Тургеневу), но и «последняя панихида». С архимандритом Геннадием Тургенев договорился о всех поминальных «надлежащих службах» и об окончательном устройстве склепа для гроба с телом Пушкина: «Камнями выложут, когда земля растает». (23)

При похоронах Пушкина в Святогорском монастыре властям согласно *воле государя императора* предписывалось воспретить «всякое особенное изъявление, всякую встречу, одним словом всякую церемонию». (24) Поэтому и участие в них настоятеля приходской церкви было тайным. И память о нем могло сохранить только предание.

Смерть Пушкина и его похороны для высшей полиции оказались событием *госу-*

дарственной важности. Сообщение об этом - тема второй части «Отчета о действиях корпуса жандармов» за 1837 год, озаглавленной следующим образом: «Обозрение расположения умов и некоторых частей Государственного Управления».

Подобные отчеты формально представляются государю, но составляются-то они для хранения в государственных архивах. В качестве исторических документов для будущих историографов империи. В дни крушения ее, в феврале 1917 года, архив III отделения из огня выносили сотрудники Пушкинского Дома во главе с Н. А. Когляревским и Б. Л. Модзалевским. В течение пяти лет, пока он не был передан по принадлежности в Централархив, разбор секретных бумаг 1820-1830 годов, доступ к которым для исследователей до этого времени был закрыт, занимались Модзалевский, А. А. Шилов и А. С. Поляков. (25) Свод материалов, касающихся смерти поэта (в его составе был и «Отчет...»), извлечен, обработан и опубликован в 1922 году Поляковым.

Из документа исчезает *воля государя императора Николая I*, и ответственность за «устранение всех почестей» при похоронах «великого» поэта возлагается на мифическое *«высшее наблюдение»*: «...В начале сего года умер от полученной раны знаменитый наш стихотворец Пушкин. Пушкин соединял в себе два единых существа: он был великий поэт и великий либерал, ненавистник всякой власти. Осыпанный благодеяниями Государя, он однако же до самого конца жизни не изменился в своих правилах, а только в последние годы стал осторожнее в изъявлении оных. <...> Собрание посетителей при теле было необыкновенное; отпевание намеревались делать торжественное, многие располагали следовать за гробом до самого места погребения в Псковской губернии; наконец дошли слухи, что будто в самом Пскове предполагалось выпрячь лошадей и везти гроб людьми, приготовив к этому жителей Пскова. - Мудрено было решить, не относились ли все эти почести более к Пушкину либералу, нежели к Пушкину поэту. - В сем недоумении и имея в виду отзывы многих благомыслящих людей, что подобное как бы

народное изъятие скорби о смерти Пушкина представляет некоторым образом неприличную картину торжества либералов, - высшее наблюдение признало своей обязанностью мерами негласными устранить все почести, что и было исполнено». (26)

Губернская дорога из Пскова в Святые Горы проходила через Остров. Последней станцией на ней перед Святými Горами был Врев. Упоминание об этом мы можем найти в письме Н. О. Пушкиной к дочери О. С. Павлицевой от 19 июня 1834 г.: «Мы очень быстро совершили наше путешествие; уехав из Петербурга в 7 часов вечера, 13-го мы были уже во Пскове <...> Следующие сутки мы провели в Острове <...> Оттуда поехали во **Врев**, где ночевали, и 15-го были в Т р и г о р с к о м и потом в М и х а й л о в с к о м». (27)

Этой дорогой, накануне событий 14 декабря 1825 года, Пушкин отправился в Петербург, но, по словам М. И. Осиповой, доехал лишь до Врева. (28) Ею же, по реке Великой, по санному пути, везли в феврале 1837 года гроб с его телом. (29)

Сопровождать тело Пушкина государь император назначил А. И. Тургенева. Вдова Пушкина просила за Данзаса, «так как по случаю тяжкой болезни она не могла этого исполнить сама». (30) А. Х. Бенкендорф писал гр. Г. А. Строганову, взявшему на себя расходы по похоронам Пушкина: «Я немедленно доложил его величеству просьбу г-жи Пушкиной дозволить Данзасу проводить тело в его последнее жилище. Государь отвечал, что он сделал все, от него зависевшее, дозволил подсудимому Данзасу остаться до сегодняшней погребальной церемонии при теле его друга; что дальнейшее снисхождение было бы нарушением закона - и следовательно невозможно; но он прибавил, что Тургенев, давнишний друг покойного, ни в чем не занятый в настоящее время, может отдать этот последний долг Пушкину, и что он уже поручил ему проводить тело». (31)

Для Тургенева это назначение оказалось неожиданностью, и он не сразу дал свое согласие. В его дневниковой записи от 2 февраля читаем: «...Жуковский приехал ко мне с известием, что государь назначает меня провожать тело Пушкина до последнего жи-

лица его. <...> ...и опять Жуковский с письмом графа Бенкендорфа к графу Строганову, - о том, что вместо Данзаса назначен я, в качестве *старого друга* (ancien ami), отдать ему последний долг. Я решился принять и переговорить о времени отъезда с графом Строгановым. Поручил Федорову собрать сведения о Пскове». Тургенев в своем дневнике детально фиксирует все приготовления к отъезду: «... заказал отыскать кибитку <...> Был в другой раз, до обеда у графа Строганова, отдал письмо, и мы условились о дне отъезда. Государю угодно, чтобы завтра в ночь. Я сказал, что поеду на свой счет и с особой подорожной. Был у почт-директора: дадут почталиона...<...> на панихиду; тут граф Строганов представил мне жандарма: о подорожной и крестьянских подставах». И при этом: «Куда еду - еще не знаю». (32) Видимо, маршрут, которым должен был следовать траурный поезд, держался в тайне до самого последнего момента. Скорее всего, он и составлен был так, чтобы, по возможности, миновать почтовые станции Белорусского тракта, где гроб с телом Пушкина могли бы встречать. В особенности - после Острова. Как и сам Пушкин в декабре 25 выбирал свой маршрут: по *старой* губернской дороге - через Врев. Потому и возник особый разговор о «крестьянских подставах», помимо курьерских и почтовых лошадей, которые выдавались по особой подорожной только на *почтовых* станциях. Потому и заплатил Тургенев за падшую под гробом, как видно *почтовую*, лошадь (33) уже на *обратном* пути - на почтовой станции, а не сразу же во Вреве. Заплатил, когда следовал уже обычным путем по почтовому тракту, со своей *особой* подорожной.

Тургенев понимал, что это - не проводы в последний путь, что он назначен *сопровождать тело*. С. Н. Карамзина писала брату из Петербурга в Париж 2 февраля: «Тургенев уезжает с телом сегодня вечером, он немного раздосадован этим и не может этого скрыть». Вяземский же рвался с ним провожать Пушкина. Тургенев в ответ на это сказал с тою же досадой: «Помилуйте, со мною! - он не умер!» (34)

А в дневнике записал: «Заколотили Пушкина в ящик. Вяземский положил с ним

свою перчатку. <...> О Вяземском со мною: «он еще не мертвый». И наконец - «3 февраля <...> Явились в полночь, поставили на дроги, и 4 февраля, в 1-м часу утра или ночи, отправился за гробом Пушкина в Псков; перед гробом и мною скакал жандармской капитан». (35)

Дорога была тяжелой. Тургенев в письме к А. И. Нефедьевой от 9 февраля, уже по прибытии в Петербург, писал: «Я ехал из Пскова до Монастыря почти все по реке *Великой* и обратно верст 30: ибо за Псковом и несколько верст до Пскова *нет снега* (выделено мною. - Б. В.), и я иногда запрягал по 5-ти лошадей в кибитку». (36) На последней станции, во Вреве, в двух-трех часах езды до Тригорского, под гробом пала лошадь.

«... за 55 верст от Острова мы заехали, оставив гроб на последней станции с почталоном и дядькой, к госпоже Осиповой, в три часа пополудни...» - писал Тургенев. (37) В записях Ломан есть предание правнучки Дубковской о том, как дошло до священника Раевского известие о привозе тела Пушкина: «*Прибежала к нам горничная Осиповых и рассказала, что Александра Сергеевича убитого привезли. Так все наши и заплакали. Прадед мой - Шкода - был и на похоронах. А у себя в вороницкой церкви панихиду о нем отслужил тайком, чтоб не знали.*

Скоро все это повернулось!» (38)

Но судя по общему контексту дошедших до нас свидетельств, горничная рассказала о приезде в Тригорское Тургенева с жандармским капитаном Ф. Ракеевым, сопровождавших гроб с телом. Тургенев должен был сообщить и о том, что под гробом пала лошадь и о том, что дядька Пушкина остался в ожидании лошадей на последней станции, во Вреве. В записях Ломан есть свидетельство об остановке в д. Воронич ямщиков, везших гроб с телом Пушкина: «... *Тереха рассказывал, мать его с Воронича, так как хоронили Пушкина, остановились лошадей кормить в их деревне, против их окна. В их доме ямщики грелись и закусывали. А те, кто сопровождал гроб, - в Тригорском были.* Григорий Филиппович Богданов, 75 лет, Пушкинские Горы. (39)

Врев был в 17 верстах от Воронича. Еще во Пскове, по распоряжению губернатора

А. Н. Пешурова, опочечкому исправнику дано было предписание о снабжении, в случае нужды, проезжавших «обывательскими лошадьми». (40) Как оказалось, не напрасно. Курьерскими снабжали поначалу - близ Петербурга, а здесь пришлось уже ждать.

В записях Ломан не встречается свидетельств о том, чтобы Раевский выезжал на встречу Пушкину во Врев. Сведения эти сообщаются А. К. Гладким. Он закончил Киевскую духовную академию по словесному отделению, преподавал в Псковском духовном училище, затем в Псковской духовной семинарии. Поэтому можно предположить, что сведения эти были получены им в среде духовенства Святых Гор. Во всяком случае, сказать можно одно: Гладкий очень ответственно относился к своим работам, был добросовестным исследователем и собирателем, и сведения о том, что священник Иларион Раевский «*встретил тело умершего поэта в расстоянии 17 верст от своего прихода в пог. Вреве, на руках нес гроб*», он считал *достоверными*. Впоследствии он понял еще и важность их для восстановления исторической правды.

Видно, не только в Тригорском знали уже о смерти Пушкина, но и на Ворониче. Хотя вряд ли Раевский, когда ехал во Врев, знал о запрещении. Знал он лишь об одном: все должно быть у михайловского барина полюдски. Во Вреве он встретился с дядькой Пушкина, Никитой Козловым - и все понял...

Сначала было прощание во Вреве. Не на станции - на погосте. В соблюдение предписания: длительные остановки при перевозе мертвого тела разрешались только у церквей. (41) Голубово рядом, и время было. Там Пушкина не просто помнили. Б. А. Вревский об этих днях в письме к С. Л. Пушкину впоследствии писал: «Кто бы сказал, что даже дворян, такая равнодушная по отношению к другим, плакала о нем! В Михайловском г. Тургенев был свидетелем такого же горя» (пер. с фр.). (42) Вот во Вреве и несли-таки гроб с телом Пушкина на руках.

А потом повезли его в Тригорское, чтоб и Пушкин простился, и с ним простились. И наконец - на Воронич, в Воскресенскую церковь - панихиду отслужить. По полному чину.

По записи А. В. Никитенко в его дневнике от 12 февраля 1837 года известно, до какой степени были устранены почести при перевозе тела: «...Дня через три после отпевания Пушкина увезли тайком в его деревню. Жена моя возвращалась из Могилева и на одной станции неподалеку от Петербурга увидела простую телегу, на телеге солому, под соломой гроб, обернутый рогожей. Три жандарма суетились на почтовом дворе, хлопотали о том, чтобы скорее перепрячь курьерских лошадей и скакать дальше с гробом.

- Что это такое? - спросила моя жена у одного из находившихся тут крестьян.

- А Бог его знает что! Вишь, какой-то Пушкин убит - и его мчат на почтовых в рогоже и соломе, прости Господи - как собаку». (43)

Но предание, сохранив свидетельство о немногочисленности при погребении и о запрете церемоний, отказалось от рогожи, от соломы. Предание избрало величие траурного торжества, несмотря ни на что: **«На конях на вороных везли парой, одеты кисеям черным. Хоронить везли кратком, как вкрали. И хоронили в невременные часы, чтоб народ не знал. Боялись они нашего Пушкина».** Иван Иванович Иванов, 75 лет, деревня Бугрово. (44)

Вместо соломы и рогожи появились кисея и черная попона: **«Отец мой умер 105 лет в 1920 году. Он знал Пушкина. Любил он, когда я, бывало, читаю ему Пушкина стихи. Отец был и на похоронах. Говаривал отец: привезли гроб рано утром, между утреней и обедней на двух парах, черной попоной покрыт. <...> Хоронили без всякой привилегии. Дворянства, господ не было, никаких церемониев не было. Из господ были одни тригорские барышни, совсем мало народу было. Раньше крестьяне ходили рано в церковь. Они и увидели. Только их не пустили».** Иван Гаврилович Гаврилов, 75 лет, село Бородки. (45)

Простую телегу заменило ландо: «... Ландо, на котором привезли Пушкина хоронить, сгорело в Тригорском». Григорий Филиппович Богданов, 75 лет, Пушкинские Горы. (46)

Предание сохранило память об особенной любви народа к Пушкину: **«Матка моя рассказывала, что как привезли Пушкина**

хоронить, никого близко не подпускали. А крестьян много собралось, хотели проститься. Народ тискался, хотелось хоть рукой схватиться за гроб, - дорожили этим очень, - так не дали, отогнали всех. Мать говорила, в ящичке так и хоронили. Закопали Пушкина в снег. Народ плакал, жалели все!..» Степан Богданович Богданов, 51 год, деревня Богомолы. (47)

Тургенев писал в своем дневнике: **«6 февраля, в 6 часов утра, отправились мы- я и жандарм!! - опять в монастырь, все еще рыли могилу; мы отслужили панихиду в церкви и вынесли на плечах крестьян гроб в могилу - немногие плакали. Я бросил горсть земли в могилу; выронил несколько слез - вспомнил о Сереже - и возвратился в Тригорское».** (48)

На могиле плакали немногие - многие Пушкина оплакивали. И не только в Петербурге, в Москве, в Сибири - по всей России. Здесь, в округе - тоже. Оплакивали Пушкина и крестьяне его, которые, узнав, что привезли их барина, сами пришли с вечера в монастырь рыть могилу. О дядьке его Ф. Ракеев потом вспоминал: «Человек у него был, ... что за преданный был слуга! Смотреть даже было больно, как убивался. Привязан был к покойнику, очень привязан. Не отходил почти от гроба: не ест, не пьет». (49)

Долго оплакивал Пушкина и отец Иларион. Его дочь вспоминала: «... я в ту пору уже замужем была... за Михаилом Алексеевичем, за Скоропостижным, и проживали мы в Опочке. Как вдруг приезжает тятенька вовсе расстроенный: «Осиротели мы, говорит, дочка... прибрали нашего благодетеля!» А сам плачет и на икону крестится... Ох, много плачу у нас тогда в дому было!» Спустя шестьдесят с лишним лет вспоминала со слезами. (50)

Сохранило предание память и об особенной любви самого Пушкина к народу: **«Ишли раз с Михайловского Пушкин с каким-то. Видят: в поле мужики барщинные спят. Он сразу остановил своего: «Погоди, - говорит, - тут не пойдём. Давай кругом обойдем, пуцай мужички спят, уставши, видно. А то еще напужаются да работать начнут».** Степан Иванович Иванов, 48 лет, деревня Луговка. (51)

Этой особенной - виноватой - любовью, которая никак не могла смириться с униженным положением ближнего во Христе, были проникнуты и жизнь, и творчество Пушкина. О ней и его стихотворение 1836 года «Мирская власть». В Страстную пятницу в Казанском соборе Петербурга после выноса плащаницы для поклонения простолюдином доступ в храм не дозволялся: у распятия Спасителя выставлялся караул. (52) Возможно, впервые «в ружье и кивере два грозных часовых» [ПСС, III, 417] были выставлены на Пасху 1836 года. А, возможно, на Пасху 1836 года поэт впервые это увидел:

К чему, скажите мне, хранительная стража? -
Или распятие казенная поклажа,
И вы боитесь воров или мышей?..

Пушкинские строки вызваны болью сердца, алчущего и жаждущего правды. Болью от надругательства над торжеством единения во Христе. Болью *гражданина*, который *не может молчать* - защищает. И Того, Кому поклоняются:

Христа, предавшего послушно плоть свою
Бичам, мучителям, гвоздям и копию...

И тех, ради кого Он пришел в этот

мир, труждающихся и обремененных, униженных и оскорбленных:

Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
И, чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ?

[ПСС, III, 417].

В своем «Памятнике» Пушкин писал о памяти *народной*: «И долго буду тем любезен я *народу*...», о *народной* тропе он писал.

Осенью 1841 года в Михайловском побывал П. А. Вяземский. Это о нем «современники-свидетели» рассказывали, что на отпевании поэта, «когда тело совсем выносили из церкви, то шествие на минуту загнулось; на пути лежал кто-то большого роста, в рыданиях. Его попросили встать и посторониться». (53) Письмо Вяземского к П. В. Нащокину свидетельствует, что пророчество Пушкина сбывалось *буквально*: «Я провел нынешней осенью несколько приятных сладостно-грустных дней в Михайловском, где все исполнено «Онегиным» и Пушкиным. Память о нем свежа и жива в той стороне. Я два раза был на могиле его и каждый раз встречал при ней мужиков и простолюдинов с женами и детьми, толкующих о Пушкине». (54)

Примечания:

1. Биографические сведения о А. К. Гладком см.: Псковский биографический словарь. Псков, 2002, с. 117 (ст. Филимонова А. В.).
2. А. Гладкий. Пушкинский уголок. Псков, 1922, с. 3.
3. А. К. Гладкий. Новое о Пушкине. Псков, 1924, 4.
4. А. Гладкий. Пушкинский уголок, с. 15-16.
5. А. Гладкий. Пушкинский уголок, с. 15.
6. Цит. по: Пушкинская энциклопедия «Михайловское». т. I, с. Михайловское - М., 2003, с.178 [ст. Раевский Иларион Евдокимович] (ст. Новикова Н. С.).
7. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. М., т. III, с.485.
8. Яковлев С. Д. Пред солнцем бессмертным ума... Пушкинский государственный заповедник на Псковской земле. Исторические очерки. Часть 1. Памятник. Пушкинские Святые Горы, 1994, с. 102
9. Биографические сведения об О. В. Ломан см: Пушкинская энциклопедия «Михайловское». т. I, с. 371-372 (ст. Холшевниковой Е. В.).
10. «Наш был скор на язык!» Рассказы о Пушкине крестьян Псковской области. Публикация и предисловие Е. Холшевниковой. // Нева. - 1999, №6, с. 34-71.
11. Там же - Е. Холшевникова. Предисловие, с. 35.
12. Там же - с. 49.
13. Там же - с. 50.
14. Там же - с. 49.
15. Иван Щеглов. Новое о Пушкине. СПб., 1902, без нумерации стр. (вст. «От автора»), с. 59, 48, 58-59;
16. Виноградов В. В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М.-Л., 1935, с. 190, 191.
17. Незавершенная статья Пушкина, начинающаяся словами: «Род Байронов, один...», в юбилейных, 1937 и 1949 годов, изданиях ПСС изд-вом Академии наук СССР, получила редакторское название <Байрон>. На обложке рукописи сохранилась надпись: «о Байроне и о предметах важных», за которой следует дата: «1835. Черная Речка, дача Миллера, 25 июля». В ПСС в 10-ти тт., М., изд-во «Художественная литература», под общей редакцией Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В.

Виноградова, Ю. Г. Оксмана, 1962, т. VI, название статьи было изменено, она была опубликована под названием «О Байроне и о предметах важных», в примечаниях указывается, что название это представляет «собой перифразу стиха из «Горя от ума». Кроме того, автор примечаний к VI тому Ю. Г. Оксман пишет: «Трудно сказать, в каком направлении развивалась бы эта статья, если бы Пушкин ее продолжал, но самое ее название свидетельствовало о том, что Пушкин не ограничился бы простым пересказом записок Байрона и воспоминаний о нем Томаса Мура» (т. VI, с. 580). При всех последующих переизданиях ПСС изд-вом «Наука» сохраняется первоначальное редакторское название статьи, ввиду того, что надпись «о Байроне и о предметах важных» рассматривается как **помета** Пушкина, являющаяся «цитатой (не совсем точной) из «Горя от ума» А. С. Грибоедова (действ. IV, явл. 4, слова Репетилова: «О Байроне, ну, о матерьях важных»). [ПСС,Л., 1978, с. 495, прим. Б. В. Томашевского.] Думается все же, что данная надпись Пушкина, исходя из самого содержания статьи, ее общего тона, стиля, а главное - исходя из самого отношения Пушкина к герою своей статьи - к Байрону, вряд ли может рассматриваться не совсем точной цитатой грибоедовского стиха и соответственно - пометой или «эпиграфом», а не авторским - **черновым вариантом** - названия статьи.

18. См. об этом: Библейская энциклопедия. Труд и издание архимандрита Никифора. Репринт. - М., 1990, с. 618.

19. «Наш был скор на язык!». Рассказы о Пушкине крестьян Псковской области, с. 51.

20. А. К. Гладкий. Новое о Пушкине, с. 4.

21. А. К. Гладкий. Новое о Пушкине, с. 26.

22. «Наш был скор на язык!». Рассказы о Пушкине крестьян Псковской области, с. 51.

23. Пушкин и его современники. СПб., 1908, Т. VI, с. 73, 76, 82.

24. Последний год жизни Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники. Сост. В. В. Кунин. М., 1990, с. 588.

25. См. об этом: *Баскаков В. Н.* Пушкинский Дом. Л., 1988, с. 42-43.

26. Поляков А. С. О смерти Пушкина. (По новым данным). Петербург. 1922, с. 46.

27. Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлицевой. 1828-1835 / Мир Пушкина. СПб., 1993, т. 1, с. 230.

28. М. И. Осипова. Рассказы о Пушкине, записанные М. И. Семевским // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 1, с. 425.

29. см. об этом: *Гордин А.* Пушкин в Псковском крае. Л., 1970, с. 300.

30. К. К. Данзас. Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина в записи А. Аммосова. // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 2, с. 334.

31. *Аммосов А.* Последние дни и кончина А. С. Пушкина: Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта К. К. Данзаса. СПб., 1863, с. 68.

32. *Тургенев А. И.* Из «Дневника» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 2, с. 177-178.

33. См. об этом: там же - с. 180.

34. Последний год жизни Пушкина, с. 580.

35. Пушкин и его современники. Т. VI, с. 79.

36. Пушкин и его современники. Т. VI, с. 77.

37. Пушкин и его современники. Т. VI, с. 72.

38. «Наш был скор на язык!». Рассказы о Пушкине крестьян Псковской области, с. 68.

39. «Наш был скор на язык!». Рассказы о Пушкине крестьян Псковской области, с. 68.

40. Пушкин и его современники. Т. VI, с. 72.

41. *Грановская Н. И.* Вместе с Пушкиным от Царского Села до Михайловского. Очерк-путеводитель, предлагающий путешествие по пушкинским местам. СПб, 1999, с. 205.

42. Пушкин и его современники. СПб., 1908, Т. VIII, с. 63.

43. *Никитенко А. Н.* Из «Дневника» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 2, с. 250.

44. «Наш был скор на язык!» Рассказы о Пушкине крестьян Псковской области, с. 69.

45. Там же - с. 69.

46. Там же - с. 71.

47. Там же - с. 70.

48. *Тургенев А. И.* Из «Дневника», с. 179.

49. *Михайлов М. Ил.* Из дневника // Русская старина. 1906, т. 127, с. 391.

50. *Иван Щеглов.* Новое о Пушкине. СПб., 1902, с. 63.

51. «Наш был скор на язык!» Рассказы о Пушкине крестьян Псковской области, с. 57.

52. подробно об этом см.: *Старк В. П.* Стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...» в цикле Пушкина 1836 г. // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1982, т. X, с. 201-202.

53. *Бартенев П. И.* Русский архив. 1879, I, с. 397.

54. Литературное наследство. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1952, т.58, с. 154.